

Научная статья

УДК 811.35

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-385-394

EDN: TGERXX

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗОВАНИЯ
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
В РЕЧИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ
(в сравнении с современным кабардино-черкесским языком)**

Марита Мухамедовна Абазова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, marita.abazova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

Аннотация. В статье исследуется грамматический показатель множественного числа в речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции в сравнении с литературным кабардино-черкесским языком. Изучение речи черкесов за рубежом представляет научный интерес не только для лингвистов, но и для историков и этнографов, для восстановления истории языка, культуры народа. Утверждается, что в речи представителей черкесской диаспоры наблюдается архаичная форма образования множественного числа *-hэ* или *хъэ*, а также множественность показана частицей *сымэ*. Сравнительный анализ речи диаспоры за рубежом с диалектами и говорами кабардино-черкесского языка показал, что на исторической Родине в современной речи некоторых представителей диалектов и говоров сохранился архаичный аффикс *-hэ* вместо современного *-хэ*. Отмечается, что суффикс множественного числа *-hэ* является первичным, а *-хэ* новообразованием, который вошел в язык с созданием письменности. Делается вывод, что в речи черкесской диаспоры за рубежом законсервировались архаичные формы и образовался новый суффикс *-хъэ*, как аффикс множественного числа. Все эти изменения вызваны внешними и внутренними влияниями на язык.

Ключевые слова: диаспора, кабардино-черкесский язык, аффикс, множественное число, метрополия, речь, диалект, говор.

Для цитирования: Абазова М.М. К вопросу об особенностях образования множественного числа в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции (в сравнении с современным кабардино-черкесским языком) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 385-394. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-385-394. EDN: TGERXX.

© Абазова М.М., 2025

Original article

**ON THE PECULIARITIES OF PLURAL FORMATION
IN THE SPEECH OF THE KABARDINO-CHERKESS DIASPORA
IN TURKEY
(in comparison with the modern Kabardino-Cherkess language)**

Marita M. Abazova

The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino–Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, marita.abazova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

Abstract. The article examines the grammatical indicator of the plural in the speech of representatives of the Kabardian-Circassian diaspora in Turkey, in comparison with the literary Kabardian-Circassian language. The study of the speech of Circassians abroad is of scientific interest not only for linguists, but also for historians and ethnographers, in order to restore the history of the language and the culture of the people. It is argued that the speech of representatives of the Circassian diaspora shows an archaic form of plural formation -hə or хьэ, and the plural is also indicated by the particle сымэ. A comparative analysis of the speech of the diaspora abroad with the dialects and vernaculars of the Kabardian-Cherkessian language showed that in the historical homeland, in the modern speech of some representatives of dialects and vernaculars, the archaic affix -hə has been preserved instead of the modern -хэ. It is noted that the plural suffix -hə is primary, and -хэ is a new formation that entered the language with the creation of writing. It is concluded that archaic forms have been preserved in the speech of the Circassian diaspora abroad, and a new suffix -хьэ has been formed as a plural affix. All these changes are caused by external and internal influences on the language.

Keywords: diaspora, Kabardian-Circassian language, affix, plural, metropolis, speech, dialect, and accent.

For citation: Abazova M.M. On the peculiarities of plural formation in the speech of the kabardino-cherkess diaspora in Turkey (in comparison with the modern Kabardino-Cherkess language). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 385-394. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-385-394. EDN: TGEPPX.

© Abazova M.M., 2025

Введение

Данная статья посвящена исследованию форм множественного числа в речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции и в литературном кабардино-черкесском языке на исторической Родине. Формам множественного числа в литературном кабардино-черкесском языке уделено внимание ведущих ученых-адыгovedов, но как это сохранилось в речи диаспоры до сих пор не получила должного осмысления в научных трудах исследователей адыгского языкознания.

Теоретическую базу исследования составляют научные работы по исследуемой теме А. Куйперса [Kuipers 1960], Ж. Дюмезиля [Dumézil 1965], К. Пари [Paris 1974], Н.Ф. Яковлева [Яковлев 1948], К.Т. Мамрешева [Мамрешев 1959], Б.Х. Балкарова [Балкаров 1970], А.К. Шагинова [Шагинов 1969, Шагинов 2004], М.А. Кумахова [Кумахов 1981], Х.Ш. Урусова [Урыс 1980], Н.Г. Гишева [Гишев 2003; Гишев 2008], Х.Т. Таова [Таов 2005], Б.Ч. Бижоева [Бижоев 2000], Х.Ч. Жилетежева [Жилетежев 2009], а также «Кабардино-черкесская грамматика» (на кабардино-черкесском языке) [Адыгэ грамматикэ, 2023], и обобщающая работа по истории и этнографии адыгов [Адыги 2022] и др. В работах указанных авторов затрагивались общие вопросы по грамматике адыгских языков. Эмпирической базой послужили полевые материалы М.М. Абазовой, собранные с 2009 по 2024 г. (далее ПМА) и фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассеты 1071, 1074, 1075, 1077.

Методологию исследования составляют:

- сопоставительный метод, который использован в ходе сравнительного анализа материалов полевых исследований, кабардино-черкесского литературного языка, диалектов и говоров кабардино-черкесского языка;
- к контекстуальному методу обращались для определения степени изменения речи черкесской диаспоры под влиянием иноязычного окружения;
- этнолингвистический метод применялся для общей характеристики речи представителей черкесских диаспоры, проживавших длительное время за рубежом. Применение этих методик позволило подробно и всесторонне исследовать звуковой состав речи черкесов за рубежом, определить грамматические особенности образования множественного числа под влиянием внешних и внутренних факторов. В ходе исследования анализу подвергались те лексемы, которые часто встречались в речи респондентов.

Основная часть

В кабардино-черкесском языке множественное число, как и во многих других языках, образуется суффиксальным способом. Суффиксом множественного числа в современном литературном кабардино-черкесском языке является *-хэ*, который в разговорной речи иногда произносится как *-һэ*. В лингвистической литературе по вопросу аффикса множественного числа *-хэ* или *һэ* существуют различные мнения.

М.А. Кумахов отмечает, что переход общеадыгского среднеязычного спиранта *x* в ларингальный *h* имеет широкое распространение в диалектах и приводит примеры, сравнивая бесленеевский, баксанский и кубанский диалекты: *ўынэһэр* ($\rightarrow$ *ўынэхэр*) «дома», *цҭыхуһэр* (*цҭыхухэр*) «люди», *лҭыһэр* (*лҭыхэр*) «мужчины». Данное фонетическое изменение ученый связывает с тем, что «среднеязычный спирант *x* дает ларингальный *h* лишь в морфеме множественного числа, обладающий высокой частотностью употребления» [Кумахов 1981: 205]. П.М. Багов считает, что «среднеязычный спирант *x* в морфеме *-хэ* является более архаичной фонемой, нежели ларингальный *h*. В реконструируемой праадыгской фонетической системе нет ларингального спиранта *h* и нет деффефективного ряда, в котором он мог бы занять место» [Багов 1969: 30]. Не все ученые согласны с таким суждением, большинство считают ларингальный *h* первичным, а *x(хэ)* в аффиксе множественного числа вторичным.

Л.М. Апажев, соглашаясь с мнением Т.Х. Куашевой, М.А. Кумахова, К.Т. Мамрешева и других ученых, отмечает, что «из двух вариантов суффикса множественного числа имен и глагола *һэ* и *хэ* *һэ* древнее, а *хэ* – вторичное явление... учитывая закон сингармонизма согласных, можно предположить такое направление исторического развития суф. мн. ч. $\varepsilon \leftarrow a \leftarrow p\varepsilon \leftarrow хэ$, а не наоборот: $\varepsilon \rightarrow a \rightarrow p\varepsilon \rightarrow хэ$ » [Апажев 1964: 56]. Множественное число «требует после себя падежно-определятельного форманта: *мышъэ* (медведь, медведья), *мышъэ-хэ-р* (медведи, медведей), *мышъэ-хэ-м* (медведи, медведей, медведям, медведях). Суффикс множественного числа *-хэ* выступает и в виде – *һэ*, который в живой речи обладает большой частотностью употребления, согласный *h* по фонетическому качеству слабее *x*... в кабардинском литературном языке отдано

предпочтение варианту -хэ» [Шагиров 2004: 74]. Наличие *h* в современной речи некоторых диалектов и говоров можно объяснить, ссылаясь на утверждение Г.В. Рогава, который отмечал, что в адыгских языках исторически «было четыре латерала: *I'* – звонкий, *I'* – придыхательный, *I* – абруптивный и четвертый – придыхательный латерал. В адыгейском языке придыхательный латерал заменился среднеязычным спирантом *х'* в суффиксе множественного числа -*х'ă* – *wəpă*- *х'ă*-г «дома», так и слабым ларингальным спирантом *h̃* – *wəpă*- *h̃ă*-г» [Рогава 1974: 75]. Интересный подход к описанию морфемы множественного числа видим в исследованиях голландского лингвиста А. Койперса. В работе «Phonem and Morphem in Kabardian (Eastern Adyghe)» (1960), ученый, как и Н.Ф. Яковлев, морфемой множественного числа отмечает – *hə*.

С помощью суффикса -хэ образуется множественное число 3 лица «прямого» объекта, которое не характерно для разговорной речи. «Более употребительна глагольная форма безобъектного -хэ, ср.: например, *лЫм шыхэр йыгъэпсчІашь* и *лЫм шэхэр йыгъэпсчІа-хэ-шь* – «мужчина выкупал лошадей»» [Шагиров 2004: 138]. В адыгейском языке тоже «множественное значение фиксируется в определяемом слове аффиксами -хэмэ, -хэм, -мэ, а в определяющем – притяжательным префиксом *а-||я-*, например: *ахэм амакъэ* «их голоса», *бзылъфыгъэхэм язекІуакІ* «походка женщин», *Айвазхэм яшъхьал* «мельница Айвазовых», *чъыгымэ яныбжъыкъу* «тени деревьев», *Дэгуужъыекъомэ яныу* «старуха Дагужиевых», *лІэшІэгъухэм яхъишь* «история веков»» [Гишев 2008: 135]. Б.М. Карданов отмечает, что иногда в кабардинском языке подлежащее и сказуемое не согласуются во множественном числе, автор аргументирует это явление универсальностью аффикса -хэ как в литературном, так и в живой речи [Карданов 1957: 74]. Но А.М. Камбачоков не соглашается с таким утверждением, считая, «отсутствие в главных членах предложения показателя множественного числа не отражается на лексическом значении слова, которым оно выражено, и не нарушает коммуникативной законченности предложения» [Камбачоков 1997: 23].

«Язык диаспоры, находясь «между» языком, речевым и коммуникативным узусом, нормами того же языка, функционирующего в метрополии, и узусом и нормами основного, например, государственного языка своей страны, неизбежно существует в пограничной ситуации» [Костанди 2015: 140]. Сравнительный анализ речи представителей диаспоры с литературным кабардино-черкесским языком показал различия в употреблении суффикса множественного числа. Как отмечено выше, и в литературном кабардино-черкесском языке, и в литературном адыгейском языке аффиксом множественного числа является суффикс -хэ, чему в речи представителей диаспоры и в некоторых диалектах и говорах кабардино-черкесского языка соответствует – *hə*.

Например, в речи диаспоры множественное число имен выражается: *Ди унагъуэм къэбэрдеибзэс, нобэм къэсаси, а ди цІыкІуһэр тыркубзэс* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1075] «В нашей семье по сей день разговариваем на кабардинском, а наши дети – на турецком». *Мыдэ дэсым нэхъыбэр къэбэрдес, Узун-Яйлэ исым, къуажэһэм плЫщІ хуэдизыр къэбэрдес, къэнарас Іабзэхти, хьэткъуеити абазэти зыІэмынэр зэрыхъури, абыһэм зыІэмынэу къэбэрдеибзэр ящІэ, дэ абы я бзэр тцІэрІым* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1071]

«Большинство проживающих здесь кабардинцы, в селах Узун-Яйля сорок процентов составляют кабардинцы, остальные – абадзехи, хатукаевцы, абазинцы – все без исключения знают кабардинский язык, но мы их язык не знаем». *Зи бл'агъагъэ зыхуагуу зыщIыпIэ идей кыщиубыдIым, ау куэдэ фIу зэрылгъагуу, зымрэ зымрэ и хъэтыр ямыкътэу ахуэдэ псэуаhэс.* (ПМА, Щоджэн Ф.) «Нигде не написано, что они связаны родственной связью, но всегда жили уважая, почитая, любя друг друга». *Ди щытычIэhэр, ди гупсысэчIэhэр, ди щIэныгъэhэр, ди унагъуэм теухуау ди гупсысэкIэhэр куэдэ зэщхьу апхуэдэси* (ПМА, Ярум Г.) «Наш образ жизни, наше мышление, наши умения, наши мысли о семье во многом схожи».

В речи представителей диаспоры нередкий случай замены суффикса множественного числа -хэ на -хъэ, где в суффиксе глухой среднеязычный спираント х переходит в глухой придыхательный ларингальный спираント хъ. Например: *Игы фи псалгъэ дахэhэм сигу щрихъачIэ, сигу къэчIраи жысIынухъэр* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] «После того, как мне понравились ваши красивые слова, я скажу все, что мне пришло на ум». *Мис ара дэ ипэ дыдэ ахуэдэ хъыбархъэр щызэдгъэщIар, ау нэхъыбу тегъэщIапIэ сщIыну мис мыбы ди лIыжъ фызыжъhэм жаIыу къэгъуэгурькIуаhэрас* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1077] «Вот так мы впервые запомнили эти рассказы, но я больше буду опираться на рассказы наших дедушек и бабушек». *Тыркум щыпсэум зыми апхуэдэ школ диIакъым, драгъэджаIым, драгъэтхаIым, сымми янэ-ядэр псалгъэмэ къуажэм нэхъ дэсахэм ахъэм зрагъэщIас, ау мы горэдышхуэм дэсхъэм куэдым ящIыхуIым, сэ синыбжъэгъухъэри ара* (ПМА, Акбай И.) «В Турции не было таких школ (где обучали кабардинскому языку), нас не учили читать, писать, но если родители говорили на родном языке, то сельские жители больше знали свой язык, но многие из тех, кто живет в больших городах, не знают язык, как и мои друзья тоже». *А Бердым и пхъухъэм и бынhэрас щыIыр* (Щоджэн Ферсис.) «Дети дочерей Берда здесь находятся». Как показывает полевой материал, многие респонденты параллельно используют в хъ:h в аффиксе множественного числа.

Множественное число глаголов: *Дэ ди яужъым кыдэкIуэ илгъэсипщIэ, илгъэс тIоущIым адыгэбзэ ящIэжъhэIым дахэ-дахэу* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] «Предшествующее поколение, которое младше нас на десять-двадцать лет практически не знают кабардинский». *Дэ ди адыгэhэр мыр Тыркум дызырыс къэралыгъуэм дыккызэрацIыхури дытэчIыным жары ы-ы-ы щэныфIэу щыIэhэс мыбы* (Щоджэн Фарукъ) «Наших адыгов в Турции знают как воспитанных, и они стремятся следовать этому». *Араси, игы куэдэ сэ нэхърэ нэхъ Iэджэ флгъэгъуаhэс, ау сэ сызэрегупсысыр, си акъыл зэрыхуэщIэр нобэ сыздынэсар апхуэдэс* (Февзиэ С.) «Итак, вы видели больше, чем я, но это то, к чему я пришел и знаю сегодня». *Ау нобэ согупсысэри нобэ, билэ, а махуэм сэ ahэм яжесIаhэм хуэдэ жызыIыфын куэд щыIэIым* (ПМА, Щоджэн Э.) «Но сейчас я думаю над тем, что им сказала в тот день, и понимаю, что мало кто посмел бы им такое сказать». *Зэ дэхъэ къопсэлгъэну хуеhэс* (ПМА, Щоджэн Э.) «Они еще раз хотят с тобой поговорить».

Отклонения в образовании множественного числа отмечаются и в различных диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Таов Х.Т. переход среднеязычного спиранта х в ларингал h в кабардино-черкесских диалектах и говорах

считает позиционной фонетической особенностью. «На переход $x > h$ накладываются строгие морфологические ограничения, так как возможен только в морфеме множественного числа. Ср. $a\text{-}x\text{-}p > a\text{-}h\text{-}p$ «они», $ф\text{ы}\text{з}\text{-}x\text{-}p > ф\text{ы}\text{з}\text{-}h\text{-}p$ «женщины» [Таов 1998: 19]. В современном бесленеевском и моздокском диалектах А.А. Афаунова и Н.Г. Шериева фиксируют наличие ларингального придыхательного согласного h во множественном числе, отмечая, что в моздокском он встречается чаще, чем в бесленеевском. Авторы приводят такие примеры:

<i>мозд.</i>	<i>лит.</i>	<i>рус.</i>
саби h эм	сабийхэм	детям
йанэ h эр	йа анэхэр	их мамы
уынэцІэхэм	у[ы]нэцІэхэм	фамилии
<i>бесл.</i>	<i>лит.</i>	<i>рус.</i>
ди саби h эри	ди сабийхэри	наши дети
датэ h эр	датэхэр	даты [Афаунова, Шериева, 2025: 68].

В бесленеевском диалекте $-h$, в качестве суффикса множественного числа может выступать как в именах, так и в глаголах: тхыль h эр – тхыльхэр «книги», дэ h эр – дэхэр «орехи», Іэхэр – Іэхэр «руки», уынэ h эр – унэхэр «дома», кІуа h э – кІуахэр «которые пошли», дэхьа h э – дэхьахэр «которые вошли» [Шериева 2024: 48].

Замена суффикса множественного числа $-x\text{э}$ на ларингальный $-h$ частое явление в современной разговорной речи представителей баксанского диалекта. Еще в 50-х годах К.Т. Мамрешев отмечал особенности образования множественного числа носителями баксанского диалекта. «В окончании множественного числа ларингальный спирант систематический употребляется в речи старшего поколения всех сел исследуемого лингвистического района. В речи молодого поколения ларингальный спирант h и средненебный x употребляются параллельно», такое произношение ученый аргументирует влиянием кабардинского письма на речь молодого поколения и приводит примеры: баи h эр – баи x эр «палки», еджакІуэ h эр – еджакІуэ x эр «учащиеся», лажьэ h эр – лажьэ x эр «работающие», макІуэ h эр – макІуэ x эр «идут», маи x э h эр – маи x э x эр «кушают» [Мамрешев 1959: 26]. Как показывает полевой материал, в речи всех представителей баксанского диалекта активно функционирует ларингальный спирант h в аффиксе множественного числа. Например:

<i>бакс.</i>	<i>лит.</i>	<i>русс.</i>
сабий h эр	сабийхэр	«дети»
махуэ h эр	махуэхэр	«дни»
лэжьыгьэ h эр	лэжьыгьэхэр	«работы»
тльэгьуа h эр	тльэгьуахэр	«что видели»

В терских говорах наличие ларингального h наиболее характерен в окончаниях множественного числа имени и глагола «независимо от его фонетического положения в слове: бын h эри – бынхэри (дети), жылэ h эр – жылэхэр (семена), уыдз h эр – уыдзхэр (травы), мэлажэ h эр – мэлажэхэр (работают), йоджэ h эр – йоджэхэр (учатся), йопль h эри – йопльхэри (смотрят)» [Куашева 1954; Куашева 1969: 124].

В малкинском говоре в указательных и возвратном местоимениях множественного числа отмечено наличие ларингального h : «а h эм, мо h эм, мы h эм, езы h эм вместо ахэм, мохэм, мыхэм, езыхэм (они)» [Шагиров 1969: 303].

В литературном кабардино-черкесском языке множественность «кроме морфемы -хэ, выражается сочетанием личных имен и фамилий с частицей -сымэ (в адыгейском -дыхэ). Личное имя или фамилия (или оба вместе) + *сымэ* указывают на группу лиц, среди которых находится названное лицо, например: *Псыр Хьэсанин симэ къашиц* (Щ. I.) «Воду привезли Хасанш и другие» [Жилетежев 2009: 66]. В речи диаспоры показатель множественного числа *сымэ* сочетается с существительным, что является отклонением от нормы употребления в литературном языке, где по грамматическим нормам *сымэ* связана только с личными именами и не изменяется. Например: *Хьыджэбзым и анэ сымэ Анкээрэ дэсхэти анхуэду зэнымычу махуэ къэс къысхулуыхуэрэ къызэпсалъэт* (ПМА, Яурум Г.). «У девушки мама и другие (родственники) проживали в Анкаре, поэтому каждый день с ней созванивались». *Сэ ипэм си анэ сымэ я псэучИэр сцИэтЭыми сэ сызэрыпсом хуэду псори анхуэду сфИэцИт зысIас...* «Я раньше не знала, как живут моя мама и другие (девочка росла с тетей), казалось, что все живут так (в достатке), как и я» (ПМА, Щоджэн Э.). *Ди анэм сымэ жаIыуэ къыджаIыжа* [Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, кассета 1074] «Я слышала от мамы и других об этом».

Заключение

Таким образом, анализ речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом показал, что формы множественного числа имеют свои особенности, которые вызваны экзогенными и эндогенными факторами. Сравнительный анализ речи диаспоры с современным литературным кабардино-черкесским языком, с его диалектами и говорами подтверждает, что в диаспоре сохранилась ранняя форма образования множественного числа -*хэ* и придыхательный ларингальный спира́нт *хь*, а также показатель множественного числа *сымэ*, который сочетается с существительным *анэ* «мать», а не и именами собственными, как в литературном языке. Следовательно, ларингальный спира́нт *h(э)* является первичным, а *x(э)* – новообразование, установившееся в литературном языке с созданием письменности. Этим и объясняется широкий диапазон употребления ларингального *h* в современной речи, как в диаспоре, так и в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. А употребление придыхательного ларингального спира́нта *хь(э)* вместо *x(э)* – новообразование в диаспоре, такое явление не отмечается ни в диалектах, ни в говорах кабардино-черкесского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Dumezil 1965 – Dumezil G. Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. PARIS INSTUT D'ETHNOLOGIE muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE'RO. – Paris, 1965. – 269 p.

Kuipers 1960 – Kuipers A.H. Phonem and Morphem in Kabardian (Eastern Adyghe); s – Gravenhage, 1960.

Paris 1974 – Paris Catherin. Systeme phonologique et phenomenes phonétiques dans le parler Besney de Zennun kóyu (Tcherkesse oriental). Collection linguistique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. – Paris, 1974. – 248 p.

Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) грамматикэ: Мы Грамматикэр абы елэжьахэм фэеплэ хуащI бзэщIэныгъэлI щэджащэ Къумахуэ Мухьэдин Iэбубэчыр и къуэм / Б. Ч. БищIо, Р. Хь. Дзыгъу-анэ, М. М. Абазэ [et al.]. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2023. – 624 p. – ISBN 978-5-907725-12-6.

Адыги 2022 – *Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги.* – Москва: «Наука», 2022. – 870 с. – (Серия «Народы и культуры»).

Апажев 1964 – *Апажев М.Л.* Об одной фонетической закономерности в кабардинском языке и ее отражении в русских заимствованиях // Ученые записки КБНИИ, том XIV. Нальчик: Каб.-Балк. Книж. изд-во, 1964. С. 40-58.

Афаунова, Шериева 2025 – *Афаунова А.А., Шериева Н.Г.* Фонетические особенности моздокского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка (сходства и различия) // Научный диалог. – 2025. – Т. 14, № 4. – С. 55-73. – DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-4-55-73.

Багов 1969 – *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 9-76.

Балкаров 1970 – *Балкаров Б.Х.* Фонетика адыгских языков (синхронно-диахронное исследование). – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 333 с.

Бижоев 2000 – *Бижоев Б.Ч.* Язык кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: изд-во «Эль-фа», 2000. – С. 201–240.

Гишев 2003 – *Гишев Н.Г.* Сравнительный анализ адыгских языков. – Майкоп: «Качество», 2003. – 284 с.

Гишев 2008 – Гишев Н. Т. Избранные труды по языкознанию / Н. Т. Гишев. – Майкоп: ООО «Качество», 2008. – 538 с.

Жилетежев 2009 – *Жилетежев Х.Ч.* Специфика собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. – 13 с.

Кабардино-черкесский язык 2006 – *Кабардино-черкесский язык.* Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Т. I. – Нальчик: изд-во «Эль-фа», 2006. – 547 с.

Камбачоков 1997 – *Камбачоков А.М.* Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: издательский центр «Эль-фа», 1997. – 337 с.

Карданов 1957 – *Карданов Б.М.* Глагольное сказуемое в кабардинском языке. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1957. – 140 с.

Костанди 2015 – *Костанди Е.И.* Специфика пространственно-временной локализации в условиях диаспоры (русский язык в Эстонии) // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник материалов Международных научных конференций в Риге (21.02.-22.02.2013) и Пскове (05.12.-07.12.2013), посвященных проблемам пограничья, Рига-Псков, 21–22 февраля 2013 года. – Рига-Псков: Псковский государственный университет, 2015. – С. 140-148.

Куашева 1954 – *Куашева Т.Х.* Особенности Терских говоров кабардинского языка. Автореф. дисс... канд. филол. н-к. – Нальчик, 1954. – 24 с.

Куашева 1969 – *Куашева Т.Х.* Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. – С. 119–189.

Кумахов 1981 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М.: изд-во «Наука», 1981. – 288 с.

Мамрешев 1959 – *Мамрешев К.Т.* Баксанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 249-290.

ПМА – Полевой материал М.М. Абазовой.

Таов 2005 – *Таов Х.Т.* Кабардино-черкесская диалектология. Учеб. пособие. – Нальчик: КБГУ, 2005. – 185 с.

Урусов 2000 – *Урусов Х.Ш.* Морфемика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1980. – 403 с.

Шагиров 1969 – *Шагиров А.К.* Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Типография им. Революции 1905 года, 1969. – С. 290-329.

Шагиров 2004 – *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 220 с.

Шериева 2024 – *Шериева Н.Г.* Фонетические особенности бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка / Н. Г. Шериева // Вестник КБИГИ. – 2024. – № 1 (60). – С. 42–51. – DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-42-51

Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 371 с.

REFERENCES

DUME'ZIL G. *Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III*. PARIS INSTUT D'ETHNOLOGIE muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE'RO. – Paris, 1965. – 269 p. (In Franch.).

KUIPERS A.H. *Phonem and Morphem in Kabardian (Eastern Adyghe)*; s – Gravenhage, 1960.

PARIS CATHERIN. *Systeme phonologique et phenomenes phonetiques dans le parler Besney de Zennun kōyu (Tcherkesse oriental)*. Collection linguistique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. – Paris, 1974. – 248 p. (In Franch.).

Adyge (k'eberdei-sherdzhes) grammatike [Adyghe (Karadrin-Circassian) grammar]: My Grammatiker aby elezh'akhem feepl" khuashchI bzheshchIenyg"elI shchedzhashche K"umakhue Mukh'edin Iebubechyr i k"uem / B. Ch. BishchIo, R. Kh'. Dzyg"uane, M. M. Abaze [et al.]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2023. – 624 p. – ISBN 978-5-907725-12-6. (In Russ.).

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Adyghe: Adygei. Kabardians. Circassians. Shapsugs]. – Moskva: «Nauka», 2022. – 870 s. – (Seriya «Narody i kul'tury»). (In Russ.).

APAZHEV M.L. *Ob odnoi foneticheskoi zakonomernosti v kabardinskom yazyke i ee otrazhenii v russkikh zaimstvovaniyakh* [On a phonetic pattern in the Kabardian language and its reflection in Russian borrowings]. In: Uchenye zapiski KBNII, tom XIV. Nal'chik: Kab.-Balk. Knizh. izd-vo, 1964. – P. 40-58. (In Russ.).

AFAUNOVA A.A., SHERIEVA N.G. *Foneticheskie osobennosti mozdokskogo i besleneevskogo dialektov kabardino-cherkesskogo yazyka (skhodstva i razlichiya)* [Phonetic features of the Mozdok and Besleney dialects of the Kabardian-Circassian language (similarities and differences)]. In: Nauchnyi dialog. – 2025. – T. 14, № 4. – P. 55-73. – DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-4-55-73. (In Russ.).

BAGOV P.M. *Kubano-zelenchukskie govory* [Kuban-Zelenchuk dialects]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialekto-logii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 9-76. (In Russ.).

BALKAROV B.KH. *Fonetika adygskikh yazykov (sinkhronno-diakhronnoe issledovanie)* [Phonetics of the Adyghe languages (synchronic-diachronic study)]. – Nal'chik: El'brus, 1970. – 333 p. (In Russ.).

BIZHOEV B.CH. *Yazyk kabardino-cherkesskoi diasporы v Sirii, Iordanii, Turtsii* [The language of the Kabardian-Cherkessian diaspora in Syria, Jordan, and Turkey]. In: Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura. – Nal'chik: izd-vo «El'-fa», 2000. – P. 201–240. (In Russ.).

GISHEV N.G. *Sravnitel'nyi analiz adygskikh yazykov* [Comparative analysis of the Adyghe languages]. – Maikop: «Kachestvo», 2003. – 284 p. (In Russ.).

GISHEV N.T. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. – Maikop: ООО «Ka-chestvo», 2008. – 538 p. (In Russ.).

ZHILETEZHEV KH.CH. *Spetsifika sobstvennykh imen sushchestvitel'nykh v kabardino-cherkesskom yazyke* [Specific features of proper nouns in the Kabardian-Cherkessian language]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2009. 113 p. (In Russ.).

Kabardino-cherkesskii yazyk. Sozdanie pis'mennosti, fonetika i fonologiya, mor-fologiya, sintaksis [Kabardian-Cherkessian language. Creation of a written language, phonetics and phonology, morphology, and syntax]. T. I. – Nal'chik: izd-vo «El'-fa», 2006. – 547 p. (In Russ.).

KAMBACHOKOV A.M. *Problemy prostogo predlozheniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Problems of a simple sentence in the Kabardian-Cherkessian language]. – Nal'chik: izdatel'skii tsentr «El'-fa», 1997. – 337 p. (In Russ.).

KARDANOV B.M. *Glagol'noe skazuemoe v kabardinskom yazyke* [Verb predicative in the Kabardian language]. – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1957. – 140 p. (In Russ.).

KOSTANDI E.I. *Spetsifika prostranstvenno-vremennoi lokalizatsii v usloviyakh diaspory (russkii yazyk v Estonii)* [Specific features of spatial and temporal localization in the conditions of diaspora (Russian language in Estonia)]. In: Kul'turnyi landshaft pogranich'ya: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sbornik materialov Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii v Rige (21.02.-22.02.2013) i Pskove (05.12-07.12.2013), posvyashchennykh problemam pogranich'ya, Ri-ga-Pskov, 21–22 fevralya 2013 goda. – Riga-Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi universi-tet, 2015. – P. 140-148. (In Russ.).

KUASHEVA T.KH. *Osobennosti Terskikh govorov kabardinskogo yazyka* [Features of the Terek dialects of the Kabardian language]. Avtoref. diss... kand. filol. n-k. – Nal'chik, 1954. – 24 p. (In Russ.).

KUASHEVA T.KH. *Terskie govory* [Terek dialects]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 g., 1969. – P. 119–189. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative-historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages]. – M.: izd-vo «Nauka», 1981. – 288 p. (In Russ.).

MAMRESHEV K.T. *Baksanskii dialekt* [Baksan dialect]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 249-290. (In Russ.).

Polevoi material M.M. Abazovoi [Field material by M.M. Abazova.]. (In Russ.).

TAOV KH.T. *Kabardino-cherkesskaya dialektologiya* [Kabardian-Circassian dialectology]. Ucheb. posobie. – Nal'chik: KBGU, 2005. – 185 p. (In Russ.).

URUSOV KH.SH. *Morfemika adygskikh yazykov* [Morphemics of the Adyghe languages]. – Nalshyk: El'brus, 1980. – 403 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Malkinskii govor* [Malkinsky dialect]. In: Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. – Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 goda, 1969. – P. 290-329. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Fonetika i morfologiya kabardinskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Kabardian language]. – Nal'chik: El'-Fa, 2004. – 220 p. (In Russ.).

SHERIEVA N.G. *Foneticheskie osobennosti besleneevskogo dialekta kabardino-cherkesskogo yazyka* [Phonetic features of the Besleneyevsky dialect of the Kabardian-Circassian language]. In: Vestnik KBIGI. – 2024. – № 1 (60). – P. 42–51. – DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-42-51. (In Russ.).

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardian-Circassian language]. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – 371 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

М.М. Абазова – кандидат филологических наук.

Information about the author

M.M. Abazova – candidate of sciences (Philology).

Статья поступила в редакцию 07.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.